

Паленко Михаил Сергеевич

ОСНОВЫ "СЕМИОТИЧЕСКОЙ" ФИЛОСОФИИ АБУ ХАЙЯНА АТ-ТАУХИДИ

В статье анализируется знаковый, а не строго идеально-логический характер философии средневекового мыслителя Абу Хайяна ат-Таухиди. До сих пор философский и литературный пласты его творчества разделялись. Данная статья рассматривает аутентичную семиотическую систему (классический арабский язык стадии рационализации) в качестве источника его оригинального творческо-философского метода, а общий характер философии мыслителя считает семиотическим, опирающимся в качестве средств на знаки языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-155. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1(091)141

В статье анализируется знаковый, а не строго идеально-логический характер философии средневекового мыслителя Абу Хайяна ат-Таухиди. До сих пор философский и литературный пласты его творчества разделялись. Данная статья рассматривает аутентичную семиотическую систему (классический арабский язык стадии рационализации) в качестве источника его оригинального творческо-философского метода, а общий характер философии мыслителя считает семиотическим, опирающимся в качестве средств на знаки языка.

Ключевые слова и фразы: семиотика; язык; уровни языка; лексика; логика; философия языка.

Михаил Сергеевич Паленко

Кафедра истории философии

Российский университет дружбы народов, г. Москва

m-pal@mail.ru

ОСНОВЫ «СЕМИОТИЧЕСКОЙ» ФИЛОСОФИИ АБУ ХАЙЯНА АТ-ТАУХИДИ®

*Более простой и вместе с тем сильной
и темпераментной прозы никто не писал
после него (ат-Таухиди – М. П.) на арабском языке.
А. Мец [13, с. 202].*

О семиотическом, т.е. знаковом, осуществляющемся на уровне знаков и посредством знаков характере, наверное, всей аутентичной арабоязычной культуры, т.е. культуры, источником которой является непосредственно арабский язык, говорят множество факторов. Основными из них являются герметичность Корана (снизошедшего однако на «ясном» арабском языке (12:1,2; 26:195) [14, с. 286, 475]), возникшая в связи с этим очень богатая традиция толкований его значений при помощи средств обычного языка, обращённых к символам и значениям высшего порядка, и сама так называемая «открытая форма» любого арабского слова (как средства этого толкования), отвечавшая, скорее, потребностям иррациональной и чувственной стихии арабской поэзии, безраздельно господствовавшей вплоть до начала IX века.

Такой знаковый характер, т.е. доходящий до уровня конкретного ощущения каждого арабского корня, присутствует и при осмыслении философских понятий, где объектом должны быть «чистые» идеи, а их средством – чистая логика.

Вмешательство «низшего» уровня, уровня языка в ход логического процесса следует как необходимость именно из «открытости» арабского корня и его относительной свободы в соединении с грамматическими средствами и значениями. Другими словами, большая вариативность корней и их актуальность обуславливают постоянное вмешательство уровня языка в более высокий уровень логики и философского мышления. Арабский язык обладает невероятно большим количеством корневых комбинаций, которые иногда даже генерируются «на месте» при помощи простой перестановки *харфов* (араб. «букв», шире – «союзов», «частей» и т.д., т.е. неполнозначных частей речи).

Неизбежность «лексичности» арабского мышления и создаёт основную предпосылку семиотического характера всего письменного интеллектуального наследия на этом языке, особенно аналитического. В общем можно сказать, что данное явление будет актуально, пока актуальна связь с лексической стихией, конкретной и даже «чувственной», свойственной поэтическому (иррациональному) периоду развития языка.

Об этой непонятности и «спонтанности» некоторых из корней говорят даже арабские лингвисты. О. Даккак отмечает эту особенность в связи с анализом литературно-философского метода «философа среди литераторов и литератора среди философов» [3, с. 1924; 10, с. 2] Абу Хайяна ат-Таухиди (922/932-1023)¹. О семиотическом характере философствования энциклопедиста, популяризатора знаний, писателя-моралиста и лингвиста ат-Таухиди говорит то, что его философия часто обращается («спускается») к лексическому уровню рассматриваемых понятий (т.е. к уровню лексем, лексическим значениям), для того чтобы расширить и дополнить их философское значение, а также то, что при помощи арабской грамматики иногда нарочито, иногда просто вынужденно сосредотачивается не на «синтезе» (в понимании И. Канта) понятий и идей (его философия не синтетична), а всего лишь на их аспектах (именно аспектность

© Паленко М. С., 2012

¹ Али бен Мухаммад бен ал-Аббас (922/932, Нишапур (иногда Шираз, реке Васит) – 1023, Шираз), прозванный «Таухиди» по сорту фиников, которыми торговал его отец [11, с. 113], – средневековый арабский философ и литератор, служивший в канцелярии влиятельных визирей в Рее (972-980 гг.) и в Багдаде в качестве переписчика, с 985 г. жил в Ширазе. Среди его учителей были многие выдающиеся учёные того времени, такие как Абу Саид ас-Сирафи (ум. 979 г.) и Абу Сулейман ас-Сиджистани ал-Мантики (ум. 985 г.) [15, с. 253]. Современник Ибн Сины, Бируни, Мискавейха, ал-Маари был близок к «Братьям чистоты». Его философские взгляды близки вульгаризированному варианту неоплатонизма [18, р. 271-272]. До нас дошли 18 его произведений [2, с. 115], большинство из которых представляют собой объёмные трактаты и послания (раса'ил). Известно, что половина его творческого наследия была сожжена им самим (прим. в 1010 г.) [3, с. 1929].

составляет основу арабского словообразования и даже грамматики в целом). Так, творчество ат-Таухиди есть некоторая попытка аспектного анализа понятий.

Кстати, этим и объясняются большие и в основном «аспектные» труды не только Абу Хайяна ат-Таухиди, но и целого ряда арабских мыслителей (объединяемых нами на основании той же синкретичности средств их творчества). К их числу можно, не ограничиваясь, отнести учителя ат-Таухиди ал-Джахиза (ум. 869 г.)¹, представителя философской лирики Абу ал-Аля ал-Маари (ум. 1058 г.), поэта-суфия Ибн ал-Фарида (ум. 1234 г.) и т.д. [16, с. 174, 177].

Более высокий уровень языка – предложение, текст и его реально существующая форма – речь также являются полноценными (наряду с абстрактными идеями) участниками философского процесса. Корни этого явления, как нам кажется, лежат в замеченном мыслителем (одним из первых в теоретическом языкознании) равноправном (по степени идеалистичности) существовании с арабским языком арабской речи, существующей в случае арабской семиотики по схожим законам и правилам (практически также свободно), что и определило опору ат-Таухиди именно на речь при «проверке» состоятельности многих этических и даже теологических вопросов. Необходимо заметить, что разделение языка и речи было научно в полной мере разработано только в трудах швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра в начале XX в. Мы полагаем, что корни этой автономии (автономии речи-языка) также уходят в некоторые особенности морфологии арабского языка (опять-таки в лексико-грамматические особенности). В отличие от лексико-грамматических единств европейских языков, избегающих паронимичности² и стремящихся при передаче оттенков одинаковых значений подбирать разные корни, жёстко «закрепляющих» лексический компонент с грамматическим (что избавляет от эксцентричности лексического корня), арабский язык зачастую в силу большого удельного значения корня, большого и достаточного количества этих корней, а также стремления всё осмысливать именно через него (корень) не закрепляет корень и грамматическую форму вместе и не образует «лексико-грамматических единств» в европейском понимании этого термина. Грамматический каркас в арабском очень условен, в современном арабском языке он может вообще меняться, корень же восстанавливается и домысливается всегда. Поэтому всё, что написано, сказано на арабском языке, будет непременно отличаться паронимичностью или, по крайней мере, дву/многозначностью. Даже термины вне контекста могут по-разному пониматься и толковаться. Это и создаёт так называемый «паронимический эффект», характерный арабскому языку. Эта особенность говорит о том, что арабский язык и речь, или язык-речь, пренебрегают в некоторой степени конвенциональностью, договорным характером речи, и о том, что язык и речь в данном случае имеют комплиментарный характер. Этим объясняется и претенциозность арабской речи, где возможно практически всё, что возможно в области абстрактного арабского языка.

Признанная ат-Таухиди высокая степень самостоятельности (от идей) знаков языка-речи делает возможным утверждать и автономию философии, на них построенной. Наглядней всего это проявилось в защите Абу Хайяном ат-Таухиди позиции независимости логики арабского языка-речи (в самом тексте в качестве таковой упоминается «грамматика» (*нахв*)) от греческих терминов, впервые высказанной арабским языковедом ас-Сирафи³ в споре с логиком-христианином Абу Башром Маттой (в 932 году в Багдаде) [5, с. 90]. Учитель логики ат-Таухиди Абу Сулейман ас-Сиджистани⁴, говоря о грамматике и логике, как и Матта, считал оба «искусства» инструментами (*ала*), ведущими, однако, к разным целям. Первый (грамматика) есть приведение мысли к некоторому принятому традицией (речью) образцу, т.е. к тому, что уже есть *a priori*. Второй (логика) есть опыт *a posteriori*. Однако его учитель грамматики, упомянутый Абу Саид ас-Сирафи, настаивал на том, что и та и другая могут быть опытом *a posteriori*. Конечно, легко согласиться с первым утверждением, ведь грамматика имеет своим законом нечто «признанное» (*'урф*), логика же – исключительно разум (*'акл*); грамматика более подобает природному (*шай таби'и*), логика есть «нечто божественное» (*шай илахий*), «инстинкт души» (*мин гараиз ан-нуфус*) [6, с. 171]. Однако по ходу спора, постепенно проявляясь, позиция самого ат-Таухиди переходит именно на сторону самостоятельности речи (а не логики как недостижимой абстрактной области) в качестве такого «инстинкта души» [5, с. 100]. Более того, говоря о месте и значении языка в общем, можно сказать, что язык в трудах ат-Таухиди носит онтологический характер.

¹ Абу Усман Омар бен Бахр бен Махбуб бен ал-Кинани ал-Басри (781-869, Басра) – один из наиболее выдающихся арабских писателей за всю историю арабской литературы, «имам арабской словесности», прозаик-мутазилит, прозванный Джахизом («пучеглазым») за свою некрасивую внешность. Автор знаменитых «Бестиария» (книги о животных в 13 т.), «Книги скупых», а также первого профессионального трактата по литературной критике «Книга красот речи».

² Впервые он был замечен после неудавшихся попыток создания искусственных языков, которые и не состоялись именно по этой причине (ещё в XVII-XVIII вв.). Также следует сказать, что одной из особенностей такого избегания подавляющей роли лексического корня в европейских словах привело к постепенному «отмиранию» его актуальности. Это замечательно было проиллюстрировано в теории «ближних» и «дальних» значений русского лингвиста А. А. Потебни в начале XX века.

³ Абу Саид ас-Сирафи – авторитетный багдадский грамматист-языковед, участник известного диспута с Абу Башром Маттой о логике и грамматике, который состоялся в 932 г. в Багдаде и в котором он, как представитель Багдадской грамматической школы (вслед за её руководителем логиком Абу Сулейманом ас-Сиджистани, см. ниже), отстаивал положение о том, что «грамматика арабского языка и есть его логика» (*ан-нахву мантикун 'арабийун*) [6, с. 169].

⁴ Известно, что по просьбе ат-Таухиди визирь «оказал покровительство больному проказой философу Абу Сулейману ас-Сиджистани (по прозвищу ал-Мантики – «логик»), с которым ат-Таухиди постоянно встречался и содержание разговоров с которым передавал визирю». Его приверженность неоплатоническому учению была известна всем и, очевидно, решающим образом повлияла и на философские взгляды ат-Таухиди [15, с. 255].

Например, характеристики учёных, литераторов, врачей, математиков того времени не только начинаются, но практически полностью строятся на анализе их владения языком, характера их языка [Там же, с. 50]. Один из исследователей лингвистических особенностей прозы ат-Таухиди О. Даккак, как нам кажется, верно полагая логику (и в общем философский уровень как следствие) и грамматику в область одинаковой абстрактной значимости для мышления, пишет о некоторой сбалансированности логики и средств языка в его прозе. «Несмотря на то, что основа логики – разум, а языка – природа, ат-Таухиди всё равно старается не допустить перевеса одного над другим» [10, с. 2]. Нам замечание исследователя кажется верным в плане равного значения языка для мышления, но существенным именно для оригинальных работ ат-Таухиди будет даже немного инстинктивное упование на стихию языка если не в ходе логического рассуждения, то уж точно при выведении его итога.

Подтверждением автономии арабской речи в трудах ат-Таухиди и претензии её на обладание той же полнотой прав на выражение оттенков философской мысли служит также и то, что ат-Таухиди в точности передавал то, что слышал и сам рассказывал, то, что всё богатство культурного материала той эпохи он записывал именно со слов. Можно сказать, что это не болтовня, а стремление сохранить и передать по возможности все особенности философско-литературного процесса того времени.

Также следует не забывать о том, что эпоха ал-Джахиха¹ и его лучшего ученика (ат-Таухиди) являлась эпохой становления ещё не окрепшей арабоязычной прозы, пришедшей на смену выпрессанной поэзии и героической мифологии [13, с. 202]. Рациональная философская составляющая этой прозы была практически полностью перенесена к тому времени с греческих текстов и обрабатывалась при помощи поэтической по сути речи. О силе поэтического начала во всех трудах ат-Таухиди говорит отечественный исследователь его творчества Е. А. Фролова. «Ат-Таухиди не был поэтом, но его ритмическая и чрезвычайно тонкая и изысканная... проза близка поэзии» [17, с. 172]. Близкая к поэзии проза ат-Таухиди была нужна ему не просто для расширения рамок отдельных понятий, но и для «столкновения» этих понятий между собой с целью расширения рамок знания вообще. «Нужно, чтобы соперничество мнений разбудило души людей, доверчиво воспринявших какие-то утверждения и погрузившихся в покой уверенности, и родило в них изумление, удивление... Вероятно, эта открытость сознания у самого ат-Таухиди и отстаивание её необходимости для знания в целом были причиной его несогласия с философами (*ал-Фараби, Бируни, Ибн Сина, Абу ал-Хасан ал-Амири, Абу Бакр ал-Каумиси, Абу Бишр Матта, ал-Харири, Зайд ибн Рифаа, Абу Сулейман ал-Макдиси – М. П.*), отрицавшими за поэзией право на истину» [Там же, с. 183]. Только поэзия и литература могли в полной мере вобрать в себя всю широту всего спектра знаний, появившихся в Халифате после арабских завоеваний. Именно благодаря этому ат-Таухиди «смог выразить сложный, богатый и неустановившийся, подвижный дух своего времени и быть философом с философами, мутакаллимом с мутакаллимами, филологом с филологами, суфием с суфиями» [Там же, с. 173].

Это распространяется и на философию в самом строгом смысле этой дисциплины. Прежде чем стать частью арабского мышления, любой иностранный термин (понятие, вообще не свойственное классическому арабскому языку, ибо он стремится к предельной однозначности) или философское понятие (также по сути чуждое явление) или даже идея должны пройти «проверку» именно арабской речью. Всё философское наследие ат-Таухиди и является таким «странным», но истинно арабским способом философствования. В связи с такой «проверкой» каждой идеи в арабском семиотическом пространстве конкретными, не отвлечёнными от изображаемой действительности языковыми корнями, которые находятся в силу своей конкретности в душе (об этом говорил учитель ат-Таухиди, основатель классической арабской прозы ал-Джахиз), философия ат-Таухиди приобретает психологический характер. Именно из-за этой особенности (психологизма) его философии ему часто отказывали в статусе «традиционного философа», выстраивающего философские парадигмы на основе «выхолощенных» от многозначности терминов.

Однако нельзя сказать, что философия Абу Хайян ат-Таухиди принимала такой же свободный и независимый характер, как богатство ярких корней языка, на котором им создавались все произведения. Его считают продолжателем творческого метода ал-Джахиза, который точность значений ценил превыше всего. Как и в произведениях своего учителя, ат-Таухиди при сохранении стиля *садж'а* (рифмованной прозы) сумел расширить рамки толкуемых понятий за счёт особого метода толкования (*та'лил*, от араб. *'илла* – причина, т.е. *букв.* «сведение чего-либо к своей причине»), который предполагает постоянный поиск точных, подходящих по смыслу синонимов, многие из которых однокоренные слова, и соотнесение их с исходным «неясным» понятием. Эта особенность прозы ат-Таухиди также была использована Е. А. Фроловой в качестве защиты очень красивого и с преобладанием элементов риторики метода философа. Об этом она в более общей форме пишет так: «Будучи лингвистом, пытавшимся соединить языкознание с логикой, Абу Хайян считал необходимым добиться скрупулёзной точности соотнесения понятия с его языковым эквивалентом.

¹ Неслучайно самый значительный труд «столпа» арабской прозы, учителя ат-Таухиди ал-Джахиза, был назван им, как нам кажется, в силу молодости рациональной прозы «Китаб ал-байан ва ат-табийин» (Книга о ясности и красноречии). В нём автор пытается раскрыть суть средств поэтической риторики на фоне нарождающейся рациональной прозы. Именно поэтому в удачном переводе названия данного труда на русский язык (Книга о ясности и красноречии) ясность и красноречие разделяются (ясность относится к прозе, а красноречие – к поэзии) и по сути составляют оппозиционную пару. Труд ал-Джахиза в силу сочетания и рассмотрения в нём не только средств прозы и поэзии, различных функциональных стилей, а также всевозможных тематических планов также неслучайно был оценён и ал-Масуди, который труд любого хорошего, по его мнению, писателя уподоблял труду «собирающему ворох в ночи» (т.е. всё, что угодно) [13, с. 203].

В отсутствии такой точности видит он причину многих заблуждений» [Там же, с. 182]. Об обязательном стремлении к точности и однозначности при установлении значений пишет соавтор книги ат-Таухиди «Вопросы и ответы» (973-980) Абу Али Мискавейх¹. «Надлежит знать, что при определении (*хадд*) понятия объективное должно восстановить свою сущность, освобождённую от всякой примеси, очищенную от всякого изъяна при помощи концепта (*лафз*), прилагающегося именно к ней, и выражения, выработанного специально для её обозначения. С того момента, как сущность установлена в душе и предстала перед интеллектом, логика необходимым образом даёт знание истины» [7, с. 135-136].

Таким образом, говоря о семиотике философии ат-Таухиди языком синестезии (употребляя терминологию идей П. Флоренского), его можно сравнить со «скульптором» идей, а не их музыкантом или обычным писателем, отвлечённо рассматривающим их. Искусство ат-Таухиди имеет характер грубой выпуклости идей, агрессивной навязчивости. Как и скульптура, его стиль и ход мысли обладают небольшой степенью символичности, но отличаются большой эклектичностью, как и всё его творчество. Это зачастую предполагают близкое и непосредственное участие читателя, его прямое взаимодействие с текстом.

Единственный уровень в отступлениях и самостоятельных соображениях ат-Таухиди, где можно говорить о некоторой «конвенциональности» и подлинной языковой компетенции, – это уровень лексики арабского языка. Его единицы узнаются и даже «чувствуются» всеми исследователями творческого наследия ат-Таухиди. Попытки философского вторжения в более высокие уровни (согласно традиционной лингвистике), т.е. в область грамматики, логики, по причине изначальной чувственной, конкретной природы арабского языка не могли не привести к неизбежному новаторству, непонятности и герметичности языка и мышления.

Попытки перенести музыку греческой мысли языком чувственной поэзии не могли не породить символическое расширение области мысли, которая заслуживает дальнейшего изучения как возможный путь к расширению (на другом уровне) рамок традиционного философского осмысления.

Список литературы

1. Абдель-Хади А. Писатель среди философов и философ среди писателей Абу Хаййан ат-Таухиди / на арабском языке. Каир: Дар ас-сакафа, 1998. 233 с.
2. Ал-Асам А. Книга Абу Хаййана ат-Таухиди «Приобретённые знания» / на арабском языке. Бейрут: Ат-Танвир, 2009. 406 с.
3. Ал-Хамави Й. Напутствие смышлёному в познании учёного / на арабском языке. Бейрут: Дар ал-гарб ал-ислами, 1993. Ч. 5. 2386 с.
4. Ат-Таухиди Абу Хаййан. Божественные указания и духовные овевания / на арабском языке; предисловие и примечания А. Ал-Бадави. Бейрут: Дар ал-калам, 1981. 389 с.
5. Ат-Таухиди Абу Хаййан. Книга услады и развлечения / на арабском языке. Бейрут: Ал-Мактаба ал-асрийа, 2009. 463 с.
6. Ат-Таухиди Абу Хаййан. Приобретённые знания / на арабском языке. Каир, 1929. 397 с.
7. Ат-Таухиди Абу Хаййан, Мискавейх А. А. Вопросы и ответы / на арабском языке. Каир: Издательство комиссии по авторству, переводу и публикации, 1951. 399 с.
8. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 592 с.
9. Гусейнова З. И. Мискавейх // Историко-философский ежегодник – 1998. М.: Наука, 2000. С. 286-289.
10. Даккак О. Творческий метод прозы Абу Хаййана ат-Таухиди [Электронный ресурс]: статья, опубликованная Центром изучения рукописей «Вудуд». URL: <http://wadod.org/vb/showthread.php?t=2133> (дата обращения: 05.11.2011).
11. Ибн Халликан А. Жизнь и смерть знатных [учёных прошлого] и жизнеописания современников: в 8-ми т. / на арабском языке. Бейрут: Дар Садир, 1968. Т. 5. 436 с.
12. Кайлани И. Абу Хаййан ат-Таухиди / на арабском языке. Каир: Дар ал-Маариф, 1975. 128 с.
13. Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973. 473 с.
14. Священный Коран / смысловой перевод на русский язык Э. Р. Кулиева. Медина: Комплекс имени Короля Фахда по изданию Священного Корана, 2002. 1071 с.
15. Фильштинский И. М. История арабской литературы: X-XVIII века. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. Ч. 1. 401 с.
16. Фролова Е. А. Арабская философия: прошлое и настоящее. М.: Языки славянских культур, 2010. 464 с.
17. Фролова Е. А. Рационализм и стоико-скептические мотивы в философии Абу Хайяна ат-Таухиди // Рационалистическая традиция и современность: Ближний и Средний Восток. М.: Наука, 1990. С. 169-193.
18. Genequand G. At-Tawhidi, Abu Hayyan // The Routledge Encyclopedia of Philosophy: in 10 vol. UK: Liverpool John Moores University, 2000-2002. Vol. 9. Islamic Philosophy. P. 271-272.

¹ Абу Али Ахмад бен Мухаммад бен Йакуб Мискавейх (932, Рей – 1031, нередко именуемый «третьим учителем» в истории мусульманской философской мысли) – философ-моралист, первым среди мусульманских учёных подошедший к изучению этической философии с научной точки зрения. Именно Мискавейху были адресованы 175 вопросов ат-Таухиди относительно этической проблематики, которые затем вместе с полученными ответами были записаны ат-Таухиди в единый сборник «Вопросы и ответы» (ал-Хавамиль ва аш-шавамиль, 973-980) [9, с. 287]. Говоря о влиянии Мискавейха на становление этических и научных взглядов, можно отметить, что оно было значительно в смысле обогащения его новыми идеями, доказываемыми самим Мискавейхом при помощи сведения их к какому-нибудь научному факту по схеме традиционного силлогизма. Это дало ат-Таухиди огромный материал для дальнейшего их толкования при помощи аутентичной системы арабского языка, т.е. дало возможность установления места этих понятий в родном языковом мышлении.

ABU HAYYAN AT-TAWHIDI'S "SEMIOTIC" PHILOSOPHY FOUNDATIONS

Mikhail Sergeevich Palenko
Department of Philosophy History
Peoples' Friendship University of Russia
m-pal@mail.ru

The author analyzes the sign-oriented rather than strictly theoretic-logical nature of the medieval philosopher Abu Hayyan at-Tawhidi's philosophy, mentions that the philosophical and literary strata of his work have been separated up till now, and considers authentic semiotic system (classical Arabic language at rationalization stage) as the source of his original creative-philosophical method, and the thinker's philosophy general character as a semiotic one, basing upon the signs of language as the means.

Key words and phrases: semiotics; language; language levels; vocabulary; logic; language philosophy.

УДК 929.7

Статья раскрывает значение «Табели о рангах» Петра I как важнейшего источника социальной истории, истории регламентации государственной службы Российской империи. Основное внимание в работе автор уделит предпосылкам создания «Табели о рангах» и её дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова и фразы: абсолютизм; дворянство; местничество; чинопроизводство; чины; звания; ранги; государственная служба.

Александр Федорович Поташев, д. ист. н., профессор
Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ростовский институт защиты предпринимателя
af-potashhev@yandex.ru

«ТАБЕЛЬ О РАНГАХ» ПЕТРА I В ИСТОРИИ РОССИИ®

В 2003 г. вступил в силу Закон РФ «О государственной гражданской службе». Разработчики и исследователи называют его типичным аналогом «Табели о рангах» Петра I. Изучение бюрократической системы Российской империи, развивавшейся на основе «Табели о рангах», является актуальной проблемой отечественной историографии и источниковедения [2]. В условиях тотального огосударствления российского общества законодательство о чинах охватывало жизнь не только управленцев. «Табель о рангах» регламентировала деятельность различных социальных групп: священнослужителей, купечества, казачества, специалистов горного дела, инженеров, врачей, учителей, ученых. Данное обстоятельство существенно расширяет рамки исследования. Неслучайно «Табель о рангах» включена в академические издания важнейших исторических документов в советское [1, с. 179-203] и постсоветское [3, с. 52-60] время, снабжена научными комментариями.

Петровская модернизация включала в себя создание из традиционного человеческого материала нового управленческого слоя, способного отладить и обеспечить механизм реализации политической власти в абсолютной монархии. Изучение состояния и тенденций развития служилого класса до и во время правления царя-реформатора позволяет выделить факторы, обусловившие необходимость «Табели о рангах». В отечественной историографии утвердилась аксиома: все петровские реформы во многом вызваны потребностями и условиями военного времени. Милитаризация российского общества первой четверти XVIII в. наложила свой отпечаток и на процесс переустройства государственной службы. Известный петровский милитаризм проявился и в «Табели о рангах». Она была разработана в условиях конструктивного взаимодействия монарха с аристократическими верхами, европеизирующей бюрократической элитой, воплотила российский и мировой опыт.

«Табель о рангах» отвечала потребностям абсолютистского государства, создавалась в условиях действия следующих исторических факторов:

- утверждения норм и ценностей абсолютистского государства, прежде всего идеи служения монарху, олицетворявшему Отечество;
- интеграции дворянства в административную машину абсолютной монархии, роста его политического сознания, понимания приоритета национально-государственных ценностей;
- четкого разграничения гражданской и военной службы, усложнения и специализации управленческих функций;
- значительного роста бюрократии за счет выходцев из непривилегированных слоев населения, нуждавшихся в достаточном социальном статусе;
- отмены местничества и потребности в новых социальных стимулах;